

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.117

Борьба с терроризмом в контексте внешней политики администрации Б. Обамы

Магомедов Даниял Сайгидгусейнович

Соискатель,
кафедра политической теории,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: danyalmm1985@gmail.com

Abstract

В статье рассматриваются основные направления контртеррористической стратегии во внешней политике Б. Обамы. На глобальном уровне сохраняют фактически монополию на определение того, кого именно считать террористом. Развитие сотрудничества по данному вопросу со многими странами Европы, Азии и Африки, а также поддержка международных экспертных центров позволяют американцам контролировать глобальную антитеррористическую повестку дня. В первый срок видимые успехи в Ираке и Афганистане позволяли считать, будто международному терроризму нанесен непоправимый урон, однако дальнейшие события «арабской весны» и рост радикального исламизма на Ближнем Востоке показали, что пределы силовой политики и издержки стратегии по уменьшению вовлеченности в конфликты в Ираке и Афганистане.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедов Д.С. Борьба с терроризмом в контексте внешней политики администрации Б. Обамы // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 6А. С. 178-188. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.117

Ключевые слова

Война с террором, внешняя политика Б. Обамы, терроризм, исламизм, Ирак, Афганистан.

Введение

Борьба против террора – является ключевой глобальной политической программой, инициированной администрацией Дж.У. Буша и направленной на сохранение мирового доминирования США в рамках глобализации, протекающей в неолиберальном ключе. Образ террористов, противостоящих «Рах Америка» оказался удобен, с одной стороны, внутри страны для секьюритизации различных сфер общества и увеличения военных расходов, а с другой, на международной арене для расширения своего присутствия в различных регионах. Сама неопределенность понятия терроризма в международном праве является следствием его активного политического использования: в него включают те политические движения, которые бросают радикальный вызов существующему порядку и тем самым пытаются реализовать по крайней мере на региональном уровне альтернативный политический проект. Несмотря на то, что с приходом к власти президент Б. Обама отказался от проведения той «силовой внешней политики», которой придерживался его предшественник, это вовсе не означало, будто США стали воздерживаться от применения силы или тем более проблематика терроризма отошла на второй план. Целью нашей статьи является подробное рассмотрение стратегии по противодействию терроризму в контексте внешнеполитической деятельности администрации Б. Обамы с акцентом на то, как «война против террора» использовалась для укрепления политического господства.

«Война против террора»: наследие эпохи Дж.У. Буша

В период администрации Дж.У. Буша война с терроризмом оказалась в центре проводимой политики национальной безопасности, направленной на укрепление позиции США в мирополитической системе. Эмоциональный эффект терактов 11 сентября 2001 г. с большим искусством был мобилизован в рамках патриотического дискурса в целях мобилизации внутренних ресурсов. Угроза терроризма привела к секьюритизации различных сфер жизни, а также оказалась весомым риторическим аргументом для легитимации расходов на национальную безопасность, причем бенефициаром оказались компании военно-промышленного блока, близкие к Дж.У. Бушу, Д. Чейни и Д. Рамсфельду [Romano, 2011].

В своих заявлениях президент неоднократно заявлял, что терроризм является экзистенциальной угрозой для США и тех свобод, которые его страна воплощает. По иронии склонность к односторонним действиям и силовым решениям привела к тому, что проводимая политика поставила эти ценности под вопрос: на международной арене апелляция к ним рассматривалась как прикрытие циничного продвижения узких национальных интересов, внутри страны администрация активно обвинялась в том, что предпринимаемые меры сами по себе разрушают свободы граждан. Проблема баланса между свободой и безопасностью так и не была решена.

И во внутренней жизни, и на международной арене борьба против терроризма предполагала усиление контроля над ключевыми объектами инфраструктуры. В первом случае речь шла о переходе к практикам полицейского государства с усилением контроля над границами, ввозимыми товарами и мигрантами и с расширением полномочиям спецслужб по отслеживанию жизни простых граждан, заподозренных в пособничестве терроризму. Более того, террористическая угроза в некоторых случаях превращалась в товар, создающий собственный рынок: так дело обстояло, например, с внедрением под контролем Министерства внутренней

безопасности стандартов безопасности на различных предприятиях. Отметим, что террористическая угроза позволила переформатировать ряд институтов государственной власти (разведывательное сообщество и различные органы, связанные с обеспечением внутренней безопасности) и ослабить влияние Совета по национальной безопасности, что происходило с усилением роли президента и доверенных ему лиц [см.: Goble, Holm, 2009; Schimmel, 2012; Coaffee, Wood, 2006].

На мирополитической арене «война с терроризмом» превратилась в определенной мере эрзац-идеологию, на основе которой США смогли создать ряд ситуативных коалиций и обеспечить себе поддержку во время интервенций в Афганистан и Ирак. Более того, многие страны (Йемен, Индия, Россия в первую очередь) адаптировали антитеррористический дискурс для решения внутренних проблем. Вместе с тем инструментальное понимание демократии и излишнее стремление полагаться только на собственные силы привели к тому, что вскоре выявились пределы способности к «смене режимов»: ни в Афганистане, ни в Ираке американцам в период правления Буша не удалось окончательно закрепить победы. Неудивительно, что идеи реализовать концепцию смены режимов в других странах (в 2001-2002 гг. рассматривались Серверная Корея, Иран, Судан, Сомали) были быстро отброшены. Противодействие терроризму в целом заключало в себе три линии работы: расширение военного присутствия в различных регионах мира (т.н. Глобальный план перебазирование), усиление контроля над международной инфраструктурой (прежде всего, инициатива ИБОР, а также меры принятые для предотвращения распространения ОМУ), проведение отдельных силовых операций.

В целом, американцам удалось нанести поражение основным силам аль-Каиды, а также укрепить собственное влияние в военной сфере. Однако в полной мере оценить результативность политики достаточно сложно. Как отмечал Д. Трахтенберг, основной акцент делался не столько на борьбе с конкретным противником, сколько на устранении возможности потенциальным противником использовать уязвимости США [Trachtenberg, 2006, 6]. В эту логику вписывается меры как по усилению контроля над глобальной инфраструктурой, так и по предотвращению попадания ОМУ в руки террористов. Поскольку нам не известны случаи применения подобного против США в 2001-2009 гг., равным образом, как и другие громкие теракты (подобные 11 сентября), можно предположить, что проводимая политика принесла свои плоды. Впрочем, действительно ли аль-Каида запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация пыталась заполучить те же самые ядерные расщепляющие вещества (если не для изготовления атомной, то по крайней мере «грязной» бомбы) остается неясным.

Борьба с терроризмом в контексте политики национальной безопасности Б. Обамы

С приходом администрации Б. Обамы произошли серьезные изменения в политике национальной безопасности. К тому времени очевидным стало то, что обе операции в Афганистане и Ираке привели к втягиванию США в затяжные войны с призрачной перспективой победы. Тот факт, что ведущая военная держава в мире не смогла обеспечить убедительные успехи в двух достаточно слабых и бедных странах, вызвал широкую общественную дискуссию. Высокие траты на военную сферу эпохи Дж.У. Буша привели к формированию дисбаланса в экономике США, а негативные последствия подобного положения

стали проявляться с началом мирового финансового кризиса. Соответственно, перед администрацией Б. Обамы была поставлена сложнейшая задача: с одной стороны, преодолеть экономический кризис и сбалансировать экономику (что требовало отказа от сверхзатрат), а с другой – найти оптимальные пути решения тех проблем в сфере национальной безопасности, которые так и не были разрешены предшественником.

Администрация Б. Обамы изменила и внешнеполитическую риторику, отбросив воинственный язык неоконсерваторов и сделав акцент на сотрудничестве и уважении к международному праву. Конечно, одним из центральных положений оставалось приверженность продвижению демократии, что как общая рамка использовалось для легитимации конкретных действий по обеспечению экономических и военных интересов [Fowler 2015, 245]. Вместе с тем в официальный политический дискурс были введены такие понятия, как «мягкая сила», «умная сила», «умная разведка» и «гибридная угроза», а с началом «арабской весны» - «управление из-за спины» (*leading from the behind*) [Семина, 2011]. Одним из ключевых понятий дискурса новой администрации стало *resilience* (жизнестойкость), под которым понималось особое качество американской социально-политической системы (восходящее к развитому «гражданскому обществу», «демократии», «креативности» и пр.), позволяющее справляться с возникающими вызовами времени [Selchow, 2017]. Подобное понятийное «изобретательство» вызывало интерес в экспертных кругах, провоцировало широкие дискуссии, а сами термины входили в научный и публицистический дискурс, что способствовало формированию позитивной для администрации экспертной дискуссии. Это не мешало оппонентам и некоторым внешним наблюдателям критиковать Обаму за отказ от формулирования четких доктрин (каковой, например, была «доктрина Буша») [Шумилин, 2017, 35], однако мы полагаем за достоинство умение на уровне ключевых понятий заниматься модерацией публичного мнения.

Смена концептуального языка отражала и тот факт, что внутренние проблемы вышли на первый план. Отсюда вытекала определенная реактивность (а не проактивность) внешнеполитического курса администрации Обамы. Если в период правления Дж.У. Буша мобилизация внутренних ресурсов была направлена на то, чтобы проводить более активную внешнеполитическую стратегию, то теперь наметилась тенденция использовать внешнеполитические успехи для укрепления позиций президентской администрации внутри страны. Прежде всего они были связаны с борьбой против терроризма, а также с кампаниями в Афганистане и Ираке. Для их достижения, несмотря на экономический кризис и предвыборные обещания, потребовался рост расходов на оборону: по данным СИПРИ, если в 2008 г. они составили 649 млрд долларов, то к 2011 г. они выросли до 711 млрд долларов. Казалось бы, успех сопутствовал первой администрации Обамы. В качестве таковых были представлены ликвидация бен Ладена в мае 2011 г., свержение режима М. Каддафи в Ливии (август 2011 г.) и окончательный вывод войск из Ирака (декабрь 2011 г.). Все это имело определенное значение для переизбрания Б. Обамы на второй срок.

Изменения официальной оценки приоритетов в области террористической угрозы можно отследить на основе как постоянных выступлений ответственных чиновников, так и ежегодных Докладов о терроризме в отдельных странах, которые каждый апрель представляются Государственным департаментом в Конгресс. В период первой администрации проблематика терроризма была в основном связана с завершением операции в Афганистане (что являлось одним из приоритетов Белого Дома), а также угрозой распространения Аль-Каиды запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация в странах Большого

Ближнего Востока и Африки. Так, выступая в декабре 2009 г., директор отдела координации борьбы с терроризмом Государственного департамента Д. Бенджамин основное внимание уделил, во-первых, исправлению ошибок контртеррористической политики предыдущей администрации (а именно те меры противодействия терроризму, как например, пытки, которые ставили под вопрос ценности американской демократии), а во-вторых, завершению операции в Афганистане и стабилизации ситуации в Пакистане [International Counterterrorism Policy, 2009, www]. В принципе на протяжении 2009-2013 г., судя по ежегодным Докладам, ключевой террористической угрозой называлась Аль-Каида, с 2014 г. – ИГИЛ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация. Однако постепенно центр тяжести смещался с Афганистана в пользу Ближнего Востока, стран Магриба и Восточной Африки, что указывает на то, что контртеррористическая стратегия связана с политикой именно в этих регионах мира.

В 2012-2013 гг. проблематика терроризма отходила на второй план, будучи связанной с завершением операции в Афганистане, начавшейся гражданской войной в Сирии, а также активностью исламских группировок в Африке. Причем в обоих последних случаях американцы предпочитали опираться в решении проблемы на европейцев, а также на местных союзников (на Большом Ближнем Востоке таковыми оставались монархии Персидского залива, в Африке же основное внимание уделялось поддержке инициатив Африканского союза, а также странам, вовлеченным в специальные программы США по военному строительству). Переломным стал 2014 г., когда сначала произошла военная эскалация на Украине, а затем в Сирии и Ираке неожиданно укрепило позиции Исламское государство запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация. В обоих случаях требовался решительный ответ, что привело к инициированию двух операций: одна – Операция Атлантическая решимость – была направлена против России и на укрепление безопасности в Европе, вторая – Операция непоколебимая решимость – ориентировалась на борьбу с ИГ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация. Вместе с тем активная вовлеченность в операцию против ИГ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация на Ближнем Востоке в 2014-2016 гг. не предполагала развертывания войск, а акцент по-прежнему делался на коалиционные действия. Тем самым США столкнулись с двумя типами угроз: с одной стороны, усиление Китая и России втягивало Америку в «классическое» военно-политическое противостояние, а с другой – требовалось расширение методов и способов ведения «гибридных» войн против транснационального противника.

Война с терроризмом и укрепление политического доминирования

Безусловно, контртеррористическое направление на протяжении всей администрации Б. Обамы оставалась одним из ключевых международных приоритетов. Предпринимаемые меры были направлены не только для расширения международного влияния США, но и для укрепления той международно-политической системы (основанной на принципах нелиберального капитализма), в рамках которой США и могли обеспечить себе мировое доминирование. Основную угрозу представляли исламисты, которые предложили собственный, альтернативный политический проект для жителей исламского мира. Другими словами, американцы представляют собой глобальную полицейскую силу, которая направлена в условиях неравномерного экономического развития стран мира и неравного распределения издержек глобализации поддерживать стабильность глобальной политико-экономической инфраструктуры.

На глобальном уровне США стремятся поддерживать и развивать существующую международную систему борьбы с терроризмом, причем в таком виде, когда именно Америка сохраняет за собою право на определение того, кто именно может считаться террористом. Неудивительно, что одним из ключевых инструментов является включение / исключение тех или иных организаций из официального списка иностранных террористических организаций, который ведет Государственный департамент. Тем самым США берут на себя право на авторитетное высказывание, посредством которого те или иные группировки определяются в качестве террористических со всеми вытекающими последствиями (от политических и экономических ограничений до силового преследования). Так, в 2009 г. в список были внесены лишь две организации: во-первых, шиитская исламистская группировка в Ираке Ката Иб Хезболла (Kata'ib Hizballah), которая вела активные действия против американских оккупационных сил. Любопытно, что в 2014 г. эта группировка выступила против ИГИЛ, запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация и нахождение в официальном списке не помешало получить ей авиационную поддержку от США в боях против радикальных исламистов. Второй группировкой, объявленной террористической в 2009 г., стала греческая леворадикальная «Революционная борьба» [Designations of Three Greek Foreign Terrorist Organizations, 2009, www]. В 2010 г. в этот список попали 4 исламистских группировки (одна из которых действовала в Йемене, три другие - в Пакистане), в 2011 г. – две (в Сирии и Индии), в 2012 г. – три (Индонезия, Ливан и Афганистан), в 2013 г. – четыре (причем все в странах Магриба, включая известную Боко Харам), в 2014 г. – шесть (все – на территории государств Большого Ближнего востока), в 2015 г. – одна (в Ираке), в 2016 г. (в Южной Азии и на Ближнем Востоке, тесно связанные с ИГИЛ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация или аль-Каидой запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация) [Foreign Terrorist Organizations, 2009, www]. Таким образом, видно, что если в 2009-2013 гг. основная активность США была связана с противодействием группировкам Аль-Каиды запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация и исламистам в суннитских странах Ближнего Востока и в Африке, то с 2014 г. резко возросло внимание к ситуации в Сирии и Ираке, которая обострилась на фоне появления Исламского государства запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

Впрочем, не всегда использование права на авторитетное высказывание и наименование того, кто именно является террористом, приводило к желаемым последствиям. В частности, некоторые эксперты полагают ошибочным включение в 2012 г. группировки ан-Нусра (во главе с аль-Джолани) запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация в список террористов, что сыграло на руку правительству Б. Асаду, который пытался представить борьбу с вооруженной оппозицией как «войну против террора». Этот шаг вызвал недоумение и у других антиасадовских группировок, в том числе тайно получавших вооружение от США и стран Персидского залива. В конечном счете это действие привело к усилению ан-Нусры, недовольству в среде сирийской оппозиции (т.к. американцы «запретили» весьма активную группировку, которая боролась против Асада) и укреплению позиций связанного с Аль-Каидой запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация и ИГИ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация аль-Джолани [Вайс, Хасан, 2016, 230-231].

Второе направление глобальной контртеррористической стратегии США заключается в формировании специальных международных институтов, которые бы способствовали

выстраиванию сотрудничества в этой области. Речь идет о формировании широкой и разветвленной международной сети между официальными органами и экспертными сообществами. Она необходима, во-первых, для облегчения взаимодействия при решении тех или иных конкретных задач, во-вторых, для обмена опытом и формирования единых норм борьбы с терроризмом (тем самым постепенно создается единый антитеррористический режим в глобальном масштабе), в-третьих, для создания единой экспертно-аналитического пространства, производящего авторитетное знание о терроризме.

Среди вновь созданных институций можно выделить следующие:

– *Глобальная инициатива по противодействию ядерному оружию* (включает 86 стран и 5 наблюдающих организаций). Ее задача - выработка общих принципов в противодействии ядерному терроризму, а также обмен позитивным опытом (например, в области охраны ядерных объектов, создании систем).

– *Глобальный контртеррористический форум*, основан в сентябре 2011 г. на фоне «арабской весны», учредителями которого выступили 29 государств и Европейский союз. Речь идет прежде всего об аналитической и дискуссионной площадке, нацеленной на формирование сети экспертов в области противодействия терроризму и укрепление институтов гражданского общества, которые бы служили залогом противодействия насильственному экстремизму. В 2011-2015 гг. на эти цели удалось выделить порядка 300 млн долларов. Помимо этого, в 2012 г. в Абу-Даби был основан *образовательный центр Hedayah*, который организует курсы повышения квалификации в области противодействия экстремизму, а в 2014 г. на Мальте появился Международный институт права и верховенства закона. Его сотрудники занимаются изучением правовых вопросов в области борьбы с терроризмом по всему миру [Global Counterterrorism Forum, 2015, www].

Одна из ключевых особенностей США – вплетение тематики терроризма в контекст двусторонних отношений. Анализ публичных заявлений Госдепа также позволяет говорить о том, в рамках каких двусторонних отношений тематика терроризма присутствует и имеет определенное значение. Наиболее часто эта проблематика затрагивалась в отношениях с Египтом (в 2009 г. его власти модифицировали соответствующее законодательство) [Egypt's Role Against Global Terrorism, 2009, www], Китаем (в рамках суб-диалога) [U.S. - China Counterterrorism Dialogue, 2014, www], Россией (например, во время «перезагрузки» признание Д. Умарова особо разыскиваемым террористом было одним из маркеров улучшения отношений), Индией (в 2009-2010 гг. действовала совместная рабочая группа по противодействию терроризму), Казахстаном (подготовка американцами соответствующих подразделений). Кроме того, в июне 2010 г. была опубликована совместная декларация США и ЕС по борьбе с терроризмом, причем в официальном заявлении отмечалась особая роль Испании в развитии трансатлантического сотрудничества в этом направлении [EU Council of Ministers' Adoption, 2010, www]. В Центральной Азии в 2015 г. был создан формат C5+1 (пять постсоветских центрально-азиатских стран + США), нацеленного на укрепление региональной интеграции и включение в нее Афганистана. В 2016 г. появилась региональная площадка в рамках Глобального форума по борьбе с терроризмом [Анашкина, 2017, 32]. Отметим также, что в Восточной Азии существует Трехсторонний контртеррористический диалог между США, Японией и Австралией, а также американо-южнокорейская Контртеррористическая рабочая группа, которая занимается в большей степени обсуждением проблем терроризма с использованием оружия массового поражения [Country Reports on Terrorism, 2010, 37]. Кроме того, в 2009-2016 гг. достаточно активно в этой области развивались отношения с

Филиппинами, где США оказывали весьма серьезную помощь местному правительству в борьбе с различными повстанческими группировками (от предоставления разведывательных данных, подготовки местных вооруженных сил до поставки специального оборудования).

Отдельно стоит остановиться на программе противодействия насильственному экстремизму. Усиление ИГИЛ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация потребовало в целом активировать борьбу с насильственным экстремизмом по всему миру, причем ответ на этот вызов искался традиционным для американцев образом: в активизации международного сотрудничества, выстраивании международных сетей между теми представителями правительственных и общественных учреждений, которые заинтересованы в противостоянии исламистам, в развитии гражданского общества. Так, в начале 2015 г. в Вашингтоне прошел крупный антиэкстремистский саммит, собравший представителей из 60 государств. В 2015 г. на борьбу с экстремизмом было выделено порядка 19 млн долларов, причем ключевым направлением стала Восточная Африка. В основном речь шла о реализации различных программ обучения и развития институтов гражданского общества. В мае 2016 г. Госдепартамент и Агентство по международному развитию (USAID) объявило о совместной стратегии по борьбе с насильственным экстремизмом. Ключевое внимание как в предисловии госсекретаря Дж. Керри, так и в самом документе занимала угроза со стороны ИГИЛ запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация. Основная задача стратегии заключалась в выработке таких превентивных мер, которые бы направлены против привлекательности радикальных исламистских идей и вербовки новых членов преступных организаций. Ключевым методом называлась поддержка официальных и общественных структур других государств, направленная на укрепление местных сообществ [Department of State & USAID Joint Strategy, 2016, www].

Все это позволяет сделать вывод об отсутствии принципиально новых подходов к решению проблем распространения терроризма и стремлении найти ответ на совмещении двух комплексов мер: с одной стороны, усиление полицейских функций «проблемных» государств, а с другой – поддержка институтов гражданского общества. Сама идея, будто развитые институты демократического способа принятия политических решений будут способствовать уменьшению количества террористических организаций, представляется верной, однако она не позволяет решить другую, немалую проблему: религия и этничность выступают сегодня ключевыми мобилизующими факторами, которые позволяют не только обеспечивать масштабные группы поддержки, но и легитимировать применение насилия (в том числе террористического действия) против «врагов». Более того, устойчивость любого общества зависит от того, каким образом институционально в нем решается проблема поддержания справедливого распределения основных ресурсов, а поскольку в условиях глобализации абсолютного суверенитета нет ни у кого, то соответственно, сама сложившаяся политэкономическая конфигурация современного миропорядка будет способствовать нарастанию напряженности в разных регионах мира.

Заключение

Можно заключить, что в период правления администрации Б. Обамы война с терроризмом все же не отошла на второй план в повестке дня. В первый срок видимые успехи в Ираке и Афганистане позволяли считать, будто международному терроризму нанесен непоправимый

урон, однако дальнейшие события «арабской весны», ослабившие государственные институты многих государств региона, показали, что это не так. Не будет преувеличением сказать, что администрации Б. Обамы приходилось разбираться с наследием эпохи Дж.У. Буша: сломать государственные институты в Афганистане и Ираке оказалось легче, нежели починить. Стратегия *leading from the behind* дала свои плоды, однако за счет ослабления собственно политического влияния американцев. В частности, в Ираке и Сирии произошло усиление Ирана, суннитские страны Персидского залива проявили большую независимость в военной области, а России с 2016 г. вновь стала «силовым брокером» в регионе. При этом обострился курдский вопрос, впрочем, этот фактор США стремятся использовать как инструмент давления одновременно и на Анкару, и на Тегеран, и на Багдад.

Безусловно, на глобальном уровне США по-прежнему остаются лидирующей силой, которая борется с международным терроризмом как явлением XXI века. Более того, именно США сохраняют фактически монополию на то, кого именно считать терроризмом. Развитие сотрудничества по данному вопросу со многими странами Европы, Азии и Африки, а также поддержка международных экспертных центров позволяют американцам контролировать глобальную антитеррористическую повестку дня.

Библиография

1. Анашкина Е.Б. Политика президента Б. Обамы на постсоветском пространстве: итоги 2009-2016 гг. // США и Канада. 2017. № 6. С. 26-40.
2. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство. Армия террора. М., 2016. 346 с.
3. Семин Н.Л. Современная стратегия национальной разведки США: опыт политического анализа // США – Канада. 2011. № 2. С. 57-76.
4. Шумилин А.И. Эволюция подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке // США и Канада. 2017. № 1. С. 32-53.
5. Coaffee J., Wood D. Security is coming home: Rethinking scale and constructing resilience in global urban response to terrorism risk // *International Relations*. 2006. Vol. 20. No. 4. P. 503-517.
6. Country Reports on Terrorism 2009. Washington. 2010. 54 p.
7. Department of State & USAID Joint Strategy on Countering Violent Extremism // US Department of State. 2016. May. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/257913.pdf> (дата обращения: 16.05.2019).
8. Designations of Three Greek Foreign Terrorist Organizations // US Department of State. 2009. 12 May. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/05/123590.htm> (дата обращения: 16.11.2019)
9. Egypt's Role Against Global Terrorism 2009 // US Department of State. 2009. 19 May. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/05/123636.htm> (дата обращения: 16.11.2019)
10. EU Council of Ministers' Adoption of U.S.-EU Joint Declaration on Counterterrorism Cooperation // US Department of State. 2010. 3 June. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/06/142618.htm> (дата обращения: 16.11.2019)
11. Foreign Terrorist Organizations // US Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm> (дата обращения: 16.11.2019)
12. Fowler M. A Brief Survey of Democracy Promotion in US Foreign Policy // *Democracy and Security*. 2015. Vol. 11. № 3. P. 227-247.
13. Global Counterterrorism Forum Co-Chairs' Fact Sheet: About the GCTF // US Department of State. 2015. 27 Sept. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/09/247369.htm> (дата обращения: 16.11.2019).
14. Goble H., Holm P. Breaking Bonds? The Iraq War and the Loss of Republican Dominance in National Security // *Political Research Quarterly*. 2009. Vol. 62. No. 2. P. 215-229.
15. International Counterterrorism Policy in the Obama Administration // US Department of State. 2009. 9 Dec. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/rm/2009/133337.htm> (дата обращения: 16.11.2019).
16. Romano S. Liberal Democracy and National Security: Continuities in the Bush and Obama Administration // *Critical Sociology*. 2011. Vol.38. No. 2. P. 149-162
17. Schimmel K. Protecting the NFL / militarizing the homeland: Citizen soldiers and urban resilience in post-9/11 America // *International Review for the Sociology of Sport*. 2012. Vol. 47. No. 3. P. 344-347.
18. Selchow S. Resilience and resilient in Obama's National Security Strategy 2010: Enter two 'political keywords' // *Politics*. 2017. Vol. 37 (1). P. 36-51.

19. Trachtenberg D. Finding the Forest Among the Trees: The Bush Administration's National Security Policy // Comparative Strategy. 2004. Vol. 23. No 1. P. 1-8.
20. U.S. - China Counterterrorism Dialogue // US Department of State. 2014. 16 июля. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/07/229335.htm> (дата обращения: 16.11.2019).

War against terror in the context of Obama administration's foreign policy

Daniyal S. Magomedov

Postgraduate student,
Department of Political Theory,
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: danyalmm1985@gmail.com

Abstract

The article examines the main directions of the counter-terrorism strategy in Obama's foreign policy. At the global level, the USA virtually retain a monopoly to apply notion 'terrorist' to different political movements. The development of cooperation on this issue with many countries in Europe, Asia and Africa, as well as the support of international expert centers allow the Americans to hold the global antiterrorist agenda. During the first term, visible successes in Iraq and Afghanistan made it possible to believe that international terrorism had suffered irreparable damage, but further growth of radical Islam in the Middle East showed that the limits of power politics and the cost of a strategy to reduce the involvement in conflicts in Iraq and Afghanistan.

For citation

Magomedov D.S. (2019) Bor'ba s terrorizmom v kontekste vneshnei politiki administratsii B. Obamy [War against terror in the context of Obama administration's foreign policy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (6A), pp. 178-188. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.117

Keywords

War on terror, Obama's foreign policy, terrorism, Islamism, Iraq, Afghanistan.

References

1. Anashkina E.B. Politika prezidenta B. Obamy na postsovetском prostranstve: itogi 2009-2016 gg. [The President Obama's policy toward post-soviet states in 2009-2016] SSHA i Kanada. 2017. № 6. S. 26-40.
2. Coaffee J., Wood D. Security is coming home: Rethinking scale and constructing resilience in global urban response to terrorism risk International Relations. 2006. Vol. 20. No. 4. P. 503-517.
3. Country Reports on Terrorism 2009. Washington. 2010. 54 p.
4. Department of State & USAID Joint Strategy on Countering Violent Extremism US Department of State. 2016. May. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/257913.pdf> (date of issue:16.05.2019).
5. Designations of Three Greek Foreign Terrorist Organizations US Department of State. 2009. 12 May. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/05/123590.htm> (date of issue:16.11.2019)
6. Egypt's Role Against Global Terrorism 2009 US Department of State. 2009. 19 May. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/05/123636.htm> (date of issue:16.11.2019)

7. EU Council of Ministers' Adoption of U.S.-EU Joint Declaration on Counterterrorism Cooperation US Department of State. 2010. 3 June. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/06/142618.htm>(date of issue:16.11.2019)
8. Foreign Terrorist Organizations US Department of State. URL: 2009-2017.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm (date of issue:16.11.2019)
9. Fowler M. A Brief Survey of Democracy Promotion in US Foreign Policy Democracy and Security. 2015. Vol. 11. № 3. P. 227-247.
10. Global Counterterrorism Forum Co-Chairs' Fact Sheet: About the GCTF US Department of State. 2015. 27 Sept. URL: 2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/09/247369.htm (date of issue:16.11.2019).
11. Goble H., Holm P. Breaking Bonds? The Iraq War and the Loss of Republican Dominance in National Security Political Research Quarterly. 2009. Vol. 62. No. 2. P. 215-229.
12. International Counterterrorism Policy in the Obama Administration US Department of State. 2009. 9 Dec. URL: 2009-2017.state.gov/j/ct/rls/rm/2009/133337.htm (date of issue:16.11.2019).
13. Romano S. Liberal Democracy and National Security: Continuities in the Bush and Obama Administration Critical Sociology. 2011. Vol.38. No. 2. P. 149-162
14. Schimmel K. Protecting the NFL militarizing the homeland: Citizen soldiers and urban resilience in post-9/11 America International Review for the Sociology of Sport. 2012. Vol. 47. No. 3. P. 344-347.
15. Selchow S. Resilience and resilient in Obama's National Security Strategy 2010: Enter two 'political keywords' Politics. 2017. Vol. 37 (1). P. 36-51.
16. Semin N.L. Sovremennaya strategiya nacional'noj razvedki SSHA: opyt politicheskogo analiza [The modern strategy of National Intelligence of the USA: political analysis] SSHA – Kanada. 2011. № 2. S. 57-76.
17. Shumilin A.I. Evolyuciya podhodov SSHA k konfliktam na Blizhnem Vostoke [The Evolution of US Approaches to Middle East Conflicts] SSHA i Kanada. 2017. № 1. S. 32-53.
18. Trachtenberg D. Finding the Forest Among the Trees: The Bush Administration's National Security Policy Comparative Strategy. 2004. Vol. 23. No 1. P. 1-8.
19. U.S. - China Counterterrorism Dialogue US Department of State. 2014. 16 июля. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/07/229335.htm> (date of issue:16.11.2019).
20. Vajs M., Hasan H. Islamskoe gosudarstvo. Armiya terror [Islamic State. The Army of Terror]. M., 2016. 346 с.